

НОВЫЕ ИМЕНА

Поощрение публикациями талантов, особенно талантов молодых, одно из основных направлений работы нашего журнала. Предлагаемые читателям произведения двух авторов: ученика восьмого класса 132-134 школы Фуада Алиева и Гафара Гусейнова, человека уже, по всему, достаточно повидавшего в жизни, как никогда подходят под общий заголовок «Поощрение». Присланы они нам организаторами II-го конкурса рассказов, проводимого «Литературным Домом» Мир Джалала. Мы благодарны организаторам конкурса за выбор нашего журнала для поощрения авторов.

На конкурс, как следует из обращения к нам «Литературного Дома», поступили произведения 539 авторов. Зарегистрированным – последним – под 539 номером оказался Гафар Гусейнов. Он своим очень чутким, поэтическим, оставляющим щемящее чувство грусти рассказом «Путь к Ахматовой» как бы закрывает конкурс. А для нас этот автор, по всему, проживший большую жизнь, сохранивший чуткость души, только открывается...

Фуад Алиев, человек молодой, ученик средней школы, как всякий юноша, спешит повзрослеть, поэтому, видимо, герой цикла его рассказов «Люди» уже умудрен опытом жизни, он колесит на велосипеде по свету, чтобы знакомиться с людьми. Его интересуют только люди, не природа, не города, как он заявляет, только люди. Один из его героев – старик-отшельник, отрастивший из протеста длинную косматую бороду – городской сумасшедший, хотя некоторые называют его посланником Бога. «Бог не нуждается в посланнике», – утверждает старец. Утверждение сие заставляет задуматься. Наверное, можно найти контекст, в котором данное утверждение могло бы иметь смысл.

Фуад Алиев пока еще только в своем, написанном от первого лица, рассказе – человек, умудренный опытом. Он вырастет, повзрослеет, возможно, продолжит писать. Псевдоним, заявленный, как Геллерт Уайт, у него уже есть. Представляя читателям Фуада Алиева, остается только похвалить его, напутствуя, по-отечески похлопать по плечу: все хорошо, Уайт, вперед... И глядя внутренним взором в то самое далеко, которое ждет Фуада, видеть и знать, какая замечательная у нас молодежь, она не уронит, поднимет еще выше престиж страны.

ГАФАР ГУСЕЙНОВ

Путь к Ахматовой

Меня довольно долго терзали вопросы: когда я впервые услышал имя Анны Ахматовой и когда увлёкся её поэзией.

Сколько ни вспоминал – не получалось. Пока однажды молнией в память не ворвались воспоминания из детства, связанные с ссыльными немцами.

Постараюсь объяснить.

Дело в том, что, будучи из ссыльных, нам приходилось часто менять место жительства.

Таково было требование в те годы, когда ссыльных уже не так уж и притесняли. Но и не баловали. Не давали возможности осесть, обзавестись нормальным хозяйством, обрести постоянных соседей-друзей. Словом, время было такое.

Трудное.

И в силу этого нам приходилось жить в аулах, где отбывали свою ссылку, как и мы, люди самых разных национальностей: персы, немцы, греки, молдаване, русские, черкесы... Всех и не перечислишь.

Мне было семь лет, когда нас поселили к немцам, высланным из Ленинграда в 1941 году в силу сложившихся обстоятельств. Моим родителям соседи-немцы понравились сразу: чистоплотные, общительные, хозяйственные. Мне разрешалось играть с детьми немцев. Сначала так, на улице, тянувшейся вдоль канала, вырытого большими усилиями и ценой жизни многих тысяч ссыльных, способствовавшего оживлению части бесконечной казахстанской степи.

Детей моего возраста среди немцев было много. Немецкие семьи, в основном, были многодетными. Наверно, из всех национальностей некоренного населения немцы отличались именно этим. Теперь понимаю: они просто хотели выжить. Остаться нацией. Уж больно не любило их советское правительство.

Говорили они по-немецки. Помню, первое время трудно было общаться. И мне, и детям немцев. Но у меня не было другого выбора. Нас, азербайджанцев, была только одна семья. Братья и сестры были намного старше меня. А играть хотелось.

Общаться хотелось.

С одной семьей, помню точно их фамилию – Битнер, у нас наладились добро-соседские отношения. Матери сдружились. Это даже по неписаным законам – основа дружбы. Детишек было много, интересы совпадали, и я целыми днями пропадал у них. Привык к ним. Да так, что вечерами старшая сестра еле уводила меня домой. Всякий раз немцы провожали меня так, как будто в последний раз видимся. Хотя каждый знал, что с наступлением нового дня будем вместе.

Но не только игрой со сверстниками привлекала меня эта семья.

Мне было интересно слушать рассказы их бабушки. Да, я забыл сказать, что ежедневно в предобеденный час у них было принято входить в комнату бабушки и слушать её. Честно говоря, вначале меня это раздражало. Скорее всего, это было вызвано незнанием языка: бабушка говорила только на немецком. Но прошли месяцы. В силу постоянного общения я стал понимать и говорить по-немецки. Помню, даже старшие сестры, учившиеся в школе и изучавшие немецкий язык (он был основным среди иностранных языков, и это, учитывая время, наверное, было правильно), часто обращались ко мне за помощью по переводу. И от того, что я стал понимать немецкий, рассказы бабушки стали увлекать меня все больше и больше. Я садился ближе к ней, устремлял на нее взгляд (наверное, полный интереса и любопытства), получал от нее добрый жест – она нежно проходила пальцами по лицу в знак благодарности от моего внимания к её рассказам – и слушал. Рассказы были интересные, живые.

Конечно, в силу моего детского возраста, тяги к играм, многое забывалось.

Однажды бабушка-немка рассказала об одной женщине-поэтессе, в семье которой она служила домработницей в Ленинграде. Рассказ был о том, что человек должен знать, что ему подходит, а что нет. И вот женщина эта любила подшучивать, особенно над близкими друзьями-поэтами. В тридцатые годы, оказывается, в Ленинграде мужчины любили носить пиджаки с большими нагрудными карманами. И многие, было ли это им к лицу или нет, вкладывали в этот карман платочек и расческу. Понятно, что это кого-то красило, а вот одного из друзей женщины-хозяйки делало напыщенным. И вот однажды она, чтобы не обидеть своего друга, проводив его до передней, оглядела с ног до головы, остановила пристальный взгляд на нагрудном кармане и спросила довольно серьезно: «А где ваша зубная щетка?». Конечно, друг сделал вид, что это была шутка, хихикнул и, не прощаясь, вышел. Во всей этой бабушкиной истории мне запомнилась фамилия женщины-хозяйки: Ахматова.

Чем-то родным повеяло от фамилии. Как-то она врезалась в память.

Ахматова...

И ещё:

Ленинград.

Поэты.

Да, я впервые тогда столкнулся и с этим словом.

А фамилия эта не отпускала меня. Порой я даже удивлялся тому, что волей-неволей повторяю её всякий раз, когда говорю или читаю на немецком.

Потом, спустя уже годы, я стал свидетелем того, что сёстры мои со своими подругами, завсегдатаями нашего дома, читали какие-то стихи, спорили, старались в чем-то убедить друг друга. В спорах часто упоминалась фамилия:

Ахматова.

Причем почти шёпотом.

Я не понимал тогда, почему фамилию эту произносили еле слышно. Помню, потом подошла к ним самая старшая сестра, оглядела их и поразила тем, что прочитала наизусть стихи, которые читались именно в тот вечер.

Долгие годы в моем сознании всплывали именно эти стихи:

*Я пью за разорённый дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоём,
И за тебя я пью, –
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что Бог не спас.*

Они очаровали меня в тот вечер.

Они увлекли поэзией **чингизки**¹. А с годами тетя моя, жившая в Ташкенте, узнав, что я интересуюсь творчеством **чингизки**, рассказала, что, будучи в эвакуации, Ахматова жила по соседству... «Простая, не очень общительная, с сухой улыбкой. Всё грустила о своём городе», – вот что говорила тетя, вспоминая её и тяжёлые военные годы.

Огромное желание – увидеть дом в Ленинграде (ныне Петербурге), где жила Ахматова, и где работала бабушка-немка, не давало мне покоя очень долгие годы.

И вот случилось.

Я во флигеле Шереметьевского дворца.

И первые мои впечатления, первые записи в дневнике:

«Высокие деревья во дворе, тихом, питерском, историческом.

Осматриваю верхний этаж.

Откуда же смотрела Ахматова на этот дворик?

О чём думала?

А может, её окна и вовсе не на дворик выходили?

Может, именно отсюда, попав случайно в этот флигель, она в далёком 1913 году написала знаменитые строки:

*Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес, –
Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий.
Вся любовь утолена...*

¹ «Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой. Ее мать была чингизидкой, татарской княжной Ахматовой, чью фамилию, не сообразив, что собираюсь быть русским поэтом, я сделала своим литературным именем». Анна Ахматова.

Может быть.

Мысли обволакивают душу, хотят перенести туда, в Петербург начала XX века, хотят многое напомнить, показать, засвидетельствовать.

Но...

Чувствую руку провожатой. Она, как это всегда бывает в музеях, торопит, не даёт постоять во дворе, отгадать загадки, что таятся в окнах этого загадочного, невзрачного на фоне дворца флигеля.

Но мне не хочется вот так, быстро, всё обойти, посмотреть, как говорится, в полглаза и уехать.

Хочу понять, отчего же душа моя тянется к поэзии великой **ЧИНГИЗКИ**...

И сегодня, наверное, волею Бога, 21 августа.

В полупустой гостиной музея прочитали стихи:

*Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.»*

Потрясающие.

Незабываемые.

«Мои!» – сразу подумал я.

С тех пор, словно хиромант, эти стихи определяют мне судьбу, с 21-го числа по 21-е каждого месяца.

С тех пор живу от 21-го по 21-е.

И жду, когда наступит этот день месяца.

В этот день мысленно поднимаюсь по лестницам невзрачного петербургского флигеля на встречу с любимой поэтессой.

Вижу рядом беспокойную, ворчливую, всегда спешащую вожатую.

Прошу не торопить меня.

Чтобы увидеть всё, что хотел я увидеть в этом городе поэтов:

*Вновь Исакий в облаченье
Из литого серебра.
Стынет в грозном нетерпенье
Конь Великого Петра.*

*Ветер душный и суровый
С чёрных труб сметает гарь...
Ах! своей столицей новой
Недоволен государь.*

В музее самым уютным местом для меня оказалась передняя. Запомнилась больше.

Я представлял Ахматову, провожающую гостей, которые в знак благодарности цитировали её стихи. А она улыбалась. Сухо. Еле-еле.

Можно сказать, здесь, в передней, я понял Ахматову с её незатейливыми, недоговоренными очень часто строчками. Вспомнил бабушку-немку, мысленно вновь благодарил её за возможность узнать Ахматову. И сестёр... За возможность узнать поэзию.

Совершенно другую.

Душевную.

Сокровенную.

Ахматовскую.